

СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ

Г.А. Сабирова, Ю.В. Андреева

ШКОЛЬНАЯ ДРУЖЕСКАЯ КОМПАНИЯ ПОДРОСТКА С МИГРАЦИОННОЙ ИСТОРИЕЙ

В фокусе внимания статьи — вопросы адаптации детей мигрантов в условиях большого города. Рассматриваются и проблематизируются социальные и культурные границы, с которыми сталкивается подросток с трансмиграционной историей, описывается роль дружеской компании в пересечении, преодолении, нивелировании этих границ. На примере одного случая авторы показывают, как подростковая компания становится средой дружеской коммуникации, а именно позитивного эмоционального обмена, овладения необходимыми культурными молодежными компетенциями, выхода за пределы родительских и этнических социальных сетей, включения в локальное территориальное сообщество. Эмпирический материал составили данные невключенных наблюдений в одном из районов города, интервью с учащимися старших классов и педагогами нескольких школ Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: дети мигрантов, интеграция, внеучебная активность, дружеские сети, молодежные солидарности.

Трансмиграция, символические границы и дружеская компания: постановка проблемы

Миграционные исследования традиционно концентрируются на вопросах адаптации, интеграции, включения приезжих в принимающее общество. Тема детей мигрантов (также как и дети-мигранты или второе поколение мигрантов) в мировой современной социальной науке рассматривается,

Сабирова Гюзель Ансаровна — кандидат социологических наук, заместитель директора Центра молодежных исследований Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики (guzelsabir@gmail.com)

Sabirova Guzel — Candidate of Science (Sociology), Deputy Director, Center for Youth Studies, National Research University — Higher School of Economics (guzelsabir@gmail.com)

Андреева Юлия Витальевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник НИЦ «Регион», Центра молодежных исследований Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики (yulia.andre@gmail.com)

Andreyeva Yuliya — Candidate of Science (Psychology), Senior Researcher, Research Center «Region», Center for Youth Research, National Research University — Higher School of Economics (yulia.andre@gmail.com)

прежде всего, в рамках школьных исследований. Здесь главным мериллом успешной интеграции являются учебные достижения подростков (Alba, Silberman 2009; Portes 1995). Изучая факторы, влияющие на повышение или снижение успеваемости школьников, исследователи в том числе анализируют дружеские сети учащихся (Irwin 2013; Vaquera 2009), обращают внимание на этнический состав компаний, закономерности попадания школьника в изолированные группы с антишкольной культурой (Coleman 1961; Иванюшина, Александров 2013).

Другая традиция исследований, актуальная для заявленной темы, описывает вопросы внеучебной или внешкольной активности детей и подростков-мигрантов. Здесь досуговая среда детей рассматривается с точки зрения использования ее потенциала для приращения капиталов, а также влияния социальных / классовых статусов родителей на вовлечение детей в разные досуговые практики (Lagueau 2003). В этой теоретической перспективе подчеркивается значение структурированного досуга как пространства реализации социальной политики и улучшения позиции (и достижений) детей в отличие от неструктурированного досуга.

Особенности организации внешкольного времени детей мигрантов зачастую исследуются в рамках работ, посвященных либо воспроизводству этнокультурных паттернов молодежью (например, мусульманских традиций), либо возникновению этнически окрашенных молодежных субкультур (например, рэп- или хип-хоп-сообществ).

Другой важный аспект темы, которому также уделяется внимание в контексте исследований успешной социализации, — это роль родительства и отношения между родителями и детьми. В этих исследованиях родители чаще репрезентируются как носители того или иного капитала или как посредники / противники изменения статуса детей. На второй план уходят вопросы повседневного контроля, сопротивления, подчинения, поиска компромисса между родителями и детьми (Devine 2009).

Российский контекст академических миграционных исследований в целом и детей мигрантов частности, несмотря на появление в последние годы целого ряда публикаций, пока покрывает лишь незначительную часть теоретических и эмпирических вопросов. Значимыми, с нашей точки зрения, являются работы, направленные на преодоление эссенциализирующего подхода к этничности в миграционных исследованиях (Бредникова, Паченков 2001), на изучение значения школьного контекста в адаптации детей мигрантов (Макаров 2010) и критическую оценку программ толерантности, реализуемых в школах РФ (Омельченко и др. 2010), а также на исследование учебной успешности детей мигрантов-школьников (Иванюшина, Александров 2013).

Особенность данного исследования заключается в том, что оно объединяет школьное и досуговое пространство детей и фокусируется на «про-школьной» дружеской компании подростка, которая становится средой и инструментом преодоления социальных и культурных границ. Дети и подростки школьного возраста с опытом трансграничной миграции, т. е. пере-

ехавшие в российские города из других стран, находятся в совершенно особых социальных условиях. Они сами и их семейное окружение сталкиваются с необходимостью поиска приемлемого компромисса между разнообразием ожиданий этно-родственных сетей, с одной стороны, и принимающего общества, — с другой, оказываясь, таким образом, в ситуации многомерного социокультурного пограничья. Кроме типичных для большинства подростков вопросов, связанных с «кризисом взросления», самоопределения, саморепрезентации и т. д., на которые приходится искать ответ, дети с трансмиграционной историей дополнительно имеют дело с целым комплексом специфических проблем и дискурсов, еще более усиливающих социальную нагрузку и вынуждающих их постоянно определять (и переопределять / отстаивать) свою позицию.

Теоретическая рамка статьи задана такими концептами, как жизненный мир, символические границы, молодежные культуры и молодежные солидарности. Термин «трансмиграция» в рамках данного кейса используется для того, чтобы обратить внимание на особенные обстоятельства культурной или гражданской идентификации детей, находящихся в трансмиграционной ситуации (Levitt, Waters 2003). Тесные социальные, культурные и эмоциональные связи с двумя странами обуславливают как минимум возникновение дополнительных возможностей или ограничений в построении и реализации жизненных планов. Конечно, в каждом конкретном случае степень влияния «трансмиграционности» определяется не просто фактом миграции как таковым, а социальным статусом родителей, значимостью поддержания этнических или национальных культурных кодов, характером отношений между родителями и детьми и т. д. Значимое обстоятельство, которое может определять жизненную ситуацию таких детей — это ксенофобный городской контекст.

В статье мы сосредоточимся на описании *дружеской компании*, поскольку полагаем, что она имеет большое значение для *пересечения, преодоления и размывания социальных и культурных границ*, с которыми сталкивается подросток, живущий в спальном районе Санкт-Петербурга. Изучение символических границ в социальных науках зачастую проводится с точки зрения производства этих границ как составляющей части своей идентичности и представления себя другим (Lamont, Molnar 2003), в том числе в исследованиях детей мигрантов (Ajrouch 2004). Мы же в своем исследовании хотели подчеркнуть стратегии не выстраивания, а *преодоления этих границ*, как территориальных, так и культурных.

Значение наличия «своей» компании, тусовки подчеркивается во многих исследованиях молодежи. Молодежная компания — это особая среда со своими социальными и культурными кодами, языком и структурами коммуникации, правилами вхождения и выхода, системами поддержки. В своей последней статье Е. Омельченко и Х. Пилкингтон подчеркивают, что поиск «своих», который реализуется посредством коммуникации в разных пространствах и площадках, лежит в основе подростковой и молодежной социальности (Omelchenko, Pilkington 2103).

Эмпирическую базу статьи составили материалы ряда исследований: социального картографирования одного из спальных районов Санкт-Петербурга*; а также исследования внеучебной активности детей мигрантов**. Статья представляет первичные результаты анализа полученного эмпирического материала. Основываясь на случае одного старшеклассника, мы попробуем реконструировать вышеозначенные вопросы. Это первая попытка поразмышлять на заданную тему, поэтому выводы требуют дальнейшего развития. Важно отметить, что, несмотря на то, что здесь мы представляем случай одного ребенка с миграционной историей, многие вопросы и темы остаются релевантными для любого подростка. Систематическое выделение из этого ряда миграционной или этнической составляющей — это также задача будущих работ.

Методологический подход данного исследования предполагал как более широкий проблемный вторичный анализ материалов, так и изучение нарративных единиц конструирования / нивелирования символических границ в биографическом контексте (Cederberg 2014).

История Гаида***

Семья Гаида приехала в Санкт-Петербург из зоны конфликта в середине 1990-х гг. Гаиду тогда было 5 месяцев. В истории семьи выбор города представляется не случайным, как говорит сам Гаид: *«Дедушка воевал тут, в Санкт-Петербурге, во Второй Мировой. И он нас сюда как-то привлек, отца. И все, мы тут начали жить»*. Дедушкам Гаида почти сто лет, так что они много ему рассказывали о тех временах. Семья у него учительская, а один из родственников, по словам Гаида, известный в творческих кругах человек. Папа когда-то был зоологом, но после развала СССР, как и многие, стал заниматься торговлей, этот же бизнес он продолжил в Санкт-Петербурге. Глав-

* Исследование выполнено при поддержке программы финансирования грантов РГНФ НИУ ВШЭ (2013 год).

** Работа выполнена в Центре молодежных исследований НИУ ВШЭ в рамках коллективного проекта РГНФ «Внеучебная активность и интеграция детей мигрантов» (РГНФ, №13-03-00576, 2013-2014, руководитель Сабилова Г.). Эмпирическая часть: 19 интервью со старшеклассниками, 12 интервью с учителями, 124 сочинения старшеклассников на заданную тему; 11 интервью с родителями-мигрантами. Сбор данных в школах был организован в два этапа: первый полевой этап состоялся весной (апрель 2013 г.), во время второго полевого этапа — осенью (октябрь 2013 г.) — мы вернулись в те же школы. На первом этапе проводились детские сочинения на тему досуга школьников и экспертные интервью с педагогами школ. На втором этапе проводились повторные сочинения в тех же классах, а также брались биографические интервью с детьми и их родителями. Кроме того, в рамках проекта было реализовано два исследовательских кейса: исследования досугового клуба, а также курсов обучения русскому языку.

*** Все имена в целях анонимизации были изменены.

ным его помощником тогда был 11-летний старший брат Гаида, который работал вместе с отцом и поэтому не смог учиться дальше. Мама — домохозяйка, хотя в Азербайджане у нее была неплохая работа. Сестра, которая младше его на два года, сейчас тоже дома. У старшего брата и двух старших сестер Гаида уже свои семьи. Гамид живет вместе с папой, мамой и младшей сестрой в небольшой квартире, в так называемой хрущевке, типичной для своего района.

Трансмиграция и Родина

С Азербайджаном у Гаида многое связано. Его привезли в Петербург, когда ему было 5 месяцев. А в 7 лет его отправили обратно в Азербайджан, и там он проучился до 5 класса. Сейчас ему 18* и он учится в 11 классе. У него нет российского гражданства, и только этим летом он получил необходимые документы в Азербайджане. Образ Азербайджана у Гаида — спокойный, романтический, ностальгический. Он вполне представляет свою жизнь там. Хотя и ландшафт страны с новой границей, разделяющей ее на две части, и семейная история потери в этом конфликте близкого родственника, и спешный переезд с последующими трудностями адаптации в Санкт-Петербурге служат напоминанием о трагическом прошлом. Одна из сестер Гаида живет в Азербайджане (*«ей там лучше»*). С родителями Гамид общается на азербайджанском языке, потому что они не в полной мере владеют русским. Но свое будущее он связывает с Россией, хотя, возможно, и не с Питером, где ксенофобия усиливается, а с каким-нибудь маленьким городом. А в самых смелых мечтах он думает о Турции, где язык близок к его родному. То есть Азербайджан остается для него родиной, а Россия родиной становится.

В цитате ниже, возможно, просматривается в какой-то степени неравномерное и излишне утилитарное отношение к России, но в потенциале этот отрывок очень богат на возможные интерпретации:

[Про что твои стихи?] «Особенно про любовь, ну... иногда про родину, которую... Обычно про любовь. [Про родину — это про Россию или про Азербайджан?] Про родину Россию или... Где-то 50 на 50. Я, когда у меня в голове, у меня и Россия и Азербайджан. Нельзя не считать Азербайджан родиной или нельзя не считать Россию, потому что для меня Россия много что сделала. Например, у меня был тренером русский, я благодарен ему за то, что он меня научил многому. Учителя здесь все русские, тоже благодаря... Это же нельзя просто так вычеркнуть. Россия много чего делает. Вот воду дает, еду дает, это тоже хорошо. Вот так. Мы же тут работаем. Это все родина, можно считать родиной».

* Хотя Гамиду на момент исследования только-только исполнилось 18 лет, мы определяем его как подростка следуя западной академической традиции возрастной классификации, а также потому что во многом его статус (школьника) и его жизненный контекст на данный момент вполне соответствует тому, что определяется как «подростковость».

В описании восприятия России просвечивают интонации оценки «роли русских» в обустройстве окраин Советского Союза, а также традиционного для таких дискурсов отношения к местам переезда. Но это может быть темой отдельного текста, здесь же для нас важно только то, что *социальное, культурное, национальное пространство жизни Гамида* включает, может быть, и с разными значениями, как Азербайджан, так и Россию, и значит, вполне может быть обозначено как *трансмиграционное и транснациональное*. Жизненный мир Гамида включает два разных национальных контекста, и его задача — совместить их в непротиворечивой картине. В рассказе о себе он перескакивает с одной территории на другую, описывая свой жизненный опыт, а также то, что ему нравится или свои жизненные принципы. Конечно, во многом он, вероятно, воспроизводит разные дискурсы взрослых в оценке прошлого и настоящего в отношениях этих двух важных для него стран, как, например, в концептуализации усиления ксенофобии в его окружении:

[Ты говоришь, что слышал что-то где-то?] *«Нет, просто на улице где-то слышал, что они так... обзываются как-то... Ну это да, это плохо. На самом деле, вот мы сейчас живем, вот вместе, если всех отсюда выгонят, то придется и русских, вот из тех мест, где они жили... И начнется революция, война. А это плохо... Ну, во-первых, для Азербайджана тоже. Ведь мы же тоже помогли во Второй мировой войне. Ну и Россия сейчас помогает нам. 95 % нефти давал Азербайджан. Ну это все... это не так важно, что мы здесь находились ради этого... А то, что должны быть в содружестве тогда».*

Семья: брат

Самые близкие отношения у Гамида со старшим братом. Брат — посредник в решении и обсуждении многих вопросов с родителями, с которыми подросток общается немного: *«Нет, я просто знаю то, что нельзя сказать им [родителям], им не говорю. А то, что можно и какие у них реакции будут, то говорю. А вот то, что сложно, что я знаю, что они будут плохо реагировать, то на помощь брат есть. Который брат у меня, он понимает меня, через него как-то к отцу, а так уже все».*

Родители и брат представляют для Гамида *две разные модели интеграции*. Первая модель включает азербайджанский язык, который доминирует в общении с родителями, ограничение контактов с внешним миром как для того чтобы обезопасить себя, так и для того чтобы не поддаться влиянию среды небезопасного района (в семье это, прежде всего, касается женщин и девочек). С братом Гамид общается только по-русски, брат — мастер спорта, самостоятельный человек. В семейном нарративе старший брат — мужчина, который поддержал семью в трудный момент: *«Мы благодарны ему за это, что он так... и ради него мы сейчас так... живы, так скажем».*

В семье у Гамида как у младшего сына тоже особый статус. Вероятно, ему единственному из детей в семье удастся восстановить культурный капитал семьи. Он сейчас активно готовится к ЕГЭ, ходит на занятия с репетитором и хочет поступить в медицинский институт. Другая ситуация у младшей сестры,

которая после 9 класса сидит дома, что было решением отца, которое Гамид объясняет следующим образом:

«Ну так в России, я не знаю, азербайджанка не должна учиться, типа того. Вот. У него... это его мнение. Ревнивый, из-за этого он ее... Наверное, ревнует, что вот типа как... ну я не знаю... ну, наверное, плохо... плохое влияние. Ну, начнет курить там, не слушаться родителей, потом... не знаю.. Там много почему.. алкоголь, например, тоже».

Свою гендерную позицию Гамид конструирует, заимствуя образцы, распространенные в его этно-родственном окружении, но отстаивает свое право на их реинтерпретацию или переопределение. Он не задумывается о том, хорошо это или плохо, что сестра дальше не учится, и, наверное, сам хотел бы скорее сына, чем дочь, потому что сын может помогать и разговаривать с ним можно «как с мужиком», но когда встает вопрос о национальности будущей жены и о том, как должны строиться отношения в семье — он готов настоять на том, что здесь он сам должен принимать решение:

[Сколько ты хочешь детей, например?]

— *Детей?*

[Побольше, поменьше? Сколько?]

— *Мне все равно. Мне самое главное, кто там со мной будет, будущая жена. Что она будет меня поддерживать? Ну, может быть, она там не сможет рожать, но она все равно будет рядом со мной. Или я не смогу, все равно.*

[Твоя будущая жена должна быть азербайджанкой?]

— *Нет, она может быть любой национальности, ну родители настаивают на азербайджанку, но все равно, это мое личное же. Это же личная жизнь, это я решаю.*

[А если вдруг родители не одобряют твою избранницу?]

— *Не знаю. На самом деле это сложный вопрос.*

[Ты думал об этом?]

— *Я думал, но ответа еще не нашел.*

Родительское разрешение для Гамида имеет очень большое значение. Степень свободы детей в первую очередь определяется гендером, и Гамиду в этом смысле «повезло»: девочки имеют гораздо больше ограничений. Вместе с тем получить согласие и одобрение отца для Гамида представляется определенной задачей. Образ матери — совсем другой. В его представлениях о том, какой его жизнь будет через 20 лет, самое понятное и незыблемое — это то, что мама будет жить с ним. В его детских воспоминаниях о том, как он тонул, именно мысль, что он своей гибелью причинит боль матери, спасла его.

«Район роднее всего...»

Район Санкт-Петербурга, в котором живет наш герой, в целом считается не самым уютным и благополучным местом. Это окраина, которая постепенно выходит за городскую черту, захватывая новые необжитые территории, то тут, то там по его периметру тянутся промзоны. Район традиционно считался местом для проживания рабочих. Его периферийные территории выросли из

поселений людей, работавших на заводах. Город, разрастаясь, постепенно поглощал рабочие поселки, но трансляция этой атмосферы и по сей день накладывает свой отпечаток и формирует имидж микрорайонов*.

Микрорайон, в котором живет семья Гамида, как раз и являлся когда-то таким рабочим поселением. Сегодня здесь много некомфортных многоквартирных домов, часть из которых представляет собой еще довоенные и послевоенные реконструкции заводских общежитий, часть принадлежит эпохе советской застройки — это так называемые хрущевки, плотно стоящие друг к другу так, что можно заглянуть в окна соседу, или панельные девятиэтажки «свечки», многие из которых к настоящему времени также требуют реконструкции. Между строениями во дворах располагаются детские сады или школы. В одну из таких школ ходит Гамид.

Поскольку район считается достаточно криминальным, детей (особенно младшего возраста) не выпускают за пределы школы без специального разрешения родителей, которое оформляется письменно. Для мигрантов район особенно опасен. Специфика организации расселения, ограниченные возможности взаимодействия жителей микрорайона, а также вся география инфраструктуры отражаются на взаимном восприятии любых непохожих, подпитывают ксенофобию и являются благоприятной средой для распространения националистических идей. Последние находят свое отражение на стенах домов и входных дверях подъездов в виде националистических лозунгов и ксенофобских призывов, а также в дискурсах местных жильцов о мигрантах. Это дополняет облик микрорайона как особенно неподходящего места для проведения свободного времени. Вероятно, поэтому досуг, организованный «по случаю», как то «погулять в пятницу вечером» или дни рождения, ребята стараются провести за пределами микрорайона проживания — например, в торгово-развлекательных центрах, реже — в кафе, находящихся ближе к станциям метро. В остальное же время если дети не в школе, то они проводят время дома друг у друга, смотрят телевизор или пользуются Интернетом.

Дом, район, школа — это три ключевых слова, которые описывают значимые для Гамида пространства. Дом Гамида — это его семья. Родители, в первую очередь отец определяет многое в судьбе детей. Дом — это то, что требует защиты, и, прежде всего, защиты отца, потому что «отец уже старый» и Гамид как молодой мужчина чувствует свою ответственность за мать и сестру. Детским страхом остались воспоминания о нападении на квартиру и сохранившийся долгое время ужас от стука в дверь («бандиты или менты?»):

— Ну, много таких случаев...

* Мы использовали картирование как метод графического, семантического, знакового описания, систематизации выбранного микрорайона. Социально-антропологический подход к картированию территорий предполагает, что создаваемые карты должны отображать субъектно-объектные отношения между жителями и городской средой (Семенова 2009).

[В твоей семье?]

— Ну, когда нам постучали... опять как-то волнение, страх, да, кто-то постучался, например, в дверь и я вот сразу вот туда [под диван] и говорю «тише-тише», типа это менты или это бандиты, как-то так...

[А почему боялись?]

— Не знаю, наверное, из-за документов.

[Что с документами не так?]

— Если честно, я не знаю. Наверное, нелегальное проживание в России. Но уже все в порядке. Раньше было как-то все проблемно.

В центре города он бывает редко, разве только в связи с организуемыми школой выездами в музей или театр, на соревнования и т. п. А если он и выезжает за пределы района сам, то в торговые центры, где можно «и в кафе потусоваться, и в кино сходить». То есть район звучит в рассказе Гамида гораздо ярче, чем сам город. Если Санкт-Петербург — это что-то скорее удаленное и символическое («Нева, набережные и т. п.»), то район — это пространство и место повседневности, про который Гамид говорит: «Я люблю свой район».

С особенностями этой территории мы уже познакомились выше. Но образ района в истории Гамида — пожалуй, самый яркий сюжет. У него есть свое прошлое и свое настоящее. И если когда-то это было то, что угрожало его дому (семье), то сегодня — это пространство понятное и принятое. Угрозы сохраняются и воспоминания о разных неприятных историях остаются, тем не менее, сейчас это пространство знакомое, освоенное и в чем-то уже контролируемое. Сегодня район Гамида — это место, где он всех знает:

[Тебе нравится Питер?]

— Да. Ну как-то тут... уже родной город.

[А район?]

— Район да, район роднее всего.

[Роднее всего?]

— Да.

[Почему?]

— Не знаю. Я тут как будто дома. Я вот в Азербайджане не чувствую себя так уютно, как в нашем районе.

[А ты часто ездишь?]

— Нет. Я не люблю как-то уезжать.

[Почему?]

— Не знаю... Я люблю очень свой район, чем там.

[А что ты делаешь здесь, в своем районе?]

— Я общаюсь с друзьями. Потом занимаюсь спортом. И все. И на улице где-то играю в футбол там.

Школа находится совсем рядом с домом. Это было одним из оснований, почему родители ее выбрали. Другой причиной стало то, что в ней уже отучились его родственники. И район, и школа связаны с опытом переживания ксе-

нофобии. Переживание ксенофобного отношения — сложная тема с разных точек зрения, прежде всего, с методологической — как можно определить интенсивность или характер дискриминации в детских и подростковых отношениях, которые во многом выстраиваются вокруг самоутверждения, тестирования личных и «чужих» границ, норм и правил и могут быть связаны с самыми разными исключениями (не только этническими). Но в любом случае, очевидно, что Гамид определенным образом включен в этот контекст ксенофобного давления:

[А еще из Азербайджана есть соседи?]

— *Есть сосед... ну, у него мама абхазка, а отец азербайджанец. Мы с ним тоже хорошо общаемся.*

[А вот с соседями по дому, вот ты говорил, что вы здороваетесь, так дружите даже, говорил?]

— *С соседями по дому — да.*

[Они какой национальности?]

— *Соседи... вот так скажем, русские тоже есть. Русские есть нормальные, а вот есть, которые не общаются... Нацисты тоже есть.*

[В чем это проявляется?]

— *Ну не знаю... они как-то один раз напали на нас так... Но мы их успокоили сразу. Ну как-то там полицию вызвали.*

Интервью с Гамидом проходило через несколько дней после известных событий в Бирюлево осенью 2013 г. и, отвечая на вопрос о том, как изменилась атмосфера вокруг него, он говорит: *«Отношения уже начинаются не такие, как раньше. Уже такое... И они как-то больше внимания уделяют, когда, например, вот то, что сейчас происходит, телевидение, какой-то азербайджанец убил кого-то и они начинают как-то... много про это говорить, а это влияет же. Вот если я был бы русским, то у меня тоже отношение поменялось бы точно. Что приезжают и убивают. Ну, это тоже плохо. [Как ты это почувствовал на себе? Или как это отразилось на тебе?] Это отношение. Ну как-то видно, то есть смотрят на тебя как-то не так... когда я на улице, например. Ну, это видно все. Ну, чувствуешь как-то».*

Друг: «тепло относился...»

Когда Гамид вернулся в Санкт-Петербург и пошел в шестой класс своей школы, то помимо тех проблем, с которыми сталкиваются все новички, появляющиеся первый раз в классе, Гамиду пришлось преодолевать сложности, связанные с русским языком, а также со своей этнической инаковостью. Вот как Гамид описывает свои первые дни в классе:

— *Ну, я в 6-ом классе первый раз написал по-русски «классная работа» и «13 октября».*

[Даже дату запомнил?]

— *Да. Мне одноклассники не давали списывать. И вот я себе поставил цель, что они у меня будут списывать. Вот... через три месяца мы сидели на уроке и они у меня спрашивали «дай списать».*

[Почему не давали списывать?]

— *Не знаю, не полюбили как-то.*

[Не полюбили?]

— *Да, сначала я сам с ними не смог общаться, потому что, не зная русского языка... ну тогда не так общался... ну да, ну с ними... и вот они как-то не полюбили.*

[А потом?]

— *А потом... потом неважно, что они так относились, мне уже не важно.*

[То есть по-прежнему как-то так, да?]

— *Да, по-прежнему так себе.*

Гамид рассказал, что он поклялся так хорошо выучить русский язык, чтобы через 3 месяца одноклассники просили списать у него, и он своего добился. В этом нарративе Гамид так оформляет свой травматичный опыт появления в классе, чтобы передать свое сегодняшнее ощущение своей победы и независимости от мнения одноклассников. В этом контексте и появляется в рассказе Арсен, который на фоне неприятия класса его поддерживал, поздравившись, и это была серьезная эмоциональная поддержка для новичка:

[Ты помнишь, когда с ним познакомился?]

— *Да. Я когда пришел в школу первый раз. И он первый раз в 6-ом классе со мной поздоровался, ну как... тепло просто так относился ко мне, чем другие. А другие начали смеяться как-то, а он нет.*

[Почему начали смеяться?]

— *Не знаю, наверное, из-за имени.*

Так случилось (а может, это произошло и неслучайно), что его, азербайджанца, лучший друг оказался армянином. Арсен — душа их компании, он родился в Санкт-Петербурге и его история сильно отличается от истории Гамида. У него совсем нет проблем с русским языком и его внешность не столь выделяющаяся, как у Гамида. Кроме Гамида и Арсена в компанию входят две девушки, Наташа и Таня (или скорее Наташа и немного Таня, подруга Наташи). Наташа — лидер класса, все трое неплохо учатся и среди одноклассников и учителей пользуются репутацией активных участников разных школьных мероприятий. То есть это компания, воспроизводящая школьную культуру:

— *Ну не знаю... ну мы ходим как-то, вот группы, которые у нас есть... И вот три человека как-то популярны. Мы вообще во всех мероприятиях участвуем, во всех, везде. В конкурсах. Мы хотим что-то делать ради школы, для школы. Во всех соревнованиях там... волейбол, танцуем где-то... это лучше и хорошо для нас.*

[Т. е. вы самые активные в классе, получается?]

— *Да, можно считать... Нет, у нас активные.. много так активных, но вот так вот да, мы трое вообще везде участвуем.*

Арсен живет напротив Гамида. Рядом в такой же пятиэтажной «хрущевке» живет Таня. Чуть дальше, на пути к транспортным линиям, находится дом На-

таши. Таким образом, компанию Гамида, имеющую «школьное» происхождение, можно по формальным признакам отнести и к компании «дворового» уровня. Но, несмотря на то, что ребята живут в шаговой доступности друг от друга, в своем микрорайоне, дворе они не проводят время. Специальных досуговых зон и зон отдыха в этом микрорайоне нет. Поэтому доступным местом для проведения досуга оказывается, в основном, пришкольная территория. Повседневное времяпрепровождение концентрируется на прилегающей к школе спортивной площадке, где они играют в футбол или «просто сидят, разговаривают», либо непосредственно в здании школы. Но, кроме этого, есть еще несколько футбольных площадок, где собираются подростки района.

Брат, друзья, бокс и футбол

Свободного времени у Гамида не так много, как и у многих одиннадцатиклассников. Но если оно появляется, то оно заполняется друзьями и спортом, боксом и футболом. Боксом Гамид занимался четыре года (сейчас времени нет, готовится к ЕГЭ), а начал ходить в секцию, потому что «брат сказал»:

«У меня брат занимается. Ну, он мастер спорта, а я так... Он так сказал, что брат должен заниматься, и все, я начал заниматься. Соревнования не любил, а потом начал уже... ходить, ходить дальше, дальше уже».

Брат Гамида, который стал мастером спорта, начал заниматься боксом для самообороны, «чтобы сильным быть»:

— Брат вот как приехал сюда, в 11 лет, тогда 1990-е годы были, сложно все. Он начал так спортом заниматься для самозащиты, для защиты семьи... и вот все, так начал ходить.

[Было от кого защищать?]

— Да. Например... от банды, как минимум. Раньше же много чего было.

[А ты помнишь это?]

— Да. Как-то раз к нам... когда мне было 4 или 5, я так помню. К нам ворвались, кто-то постучался, и тогда были какие-то люди в маске... И отец прыгнул через окошко, мы жили на первом этаже... вот это помню, а дальше — нет.

По результатам наших предыдущих исследований, бокс — одна из самых популярных досуговых активностей среди детей мигрантов. И хотя по своему типу Гамид не склонен к силовым видам спорта и не любит соревнования, он в это втянулся. Бокс — это то, что дает уверенность в себе и становится ресурсом в отстаивании себя на улице. Но надо иметь в виду, что пространство бокса задает определенный социальный контекст, в том числе и этнический: «*Нет, ну с армянином... ну так скажем, в боксе иногда бывает. В боксе у нас самое главное, чтобы не выиграл армянин. ... Это для меня не так, это для меня не означает ничего».*

Другое дело — футбол. Футбол — это то, что хотелось и то, что становится одним из инструментов знакомства Гамида с «жителями местными». Играть можно на школьной площадке, но не обязательно: в районе есть несколько футбольных полей, на которых собирается и играет местная молодежь. Но туда

лучше прийти вместе с другом, чем одному. То есть наличие друга открывает новые возможности включения в новые локальные сети и делает возможным появление альтернативного досуга. В отличие от бокса, футбол — игра демократичная, более открытая для участия, способствующая созданию новых знакомств и предлагающая иную, чем в боксе, логику восприятия «стороннего» — не как потенциального противника, а как члена команды:

[Как стал футболом заниматься?]

— Ну, на улице. На улице все играют, играют и ты... хочется играть. Среди мальчишек играть.

[Кто играет в футбол?]

— Друзья, все знакомые... жители местные.

[А где играют?]

— Ну, в нашем поле, где вот школьная планерка.

[Давно стал играть в футбол?]

— Ну да... С 6-го класса как-то... с 6-го.

Одноклассники и учителя

Данные наших исследований показывают, что дети, которые категоризируются в школе как мигранты, инофоны, «этнические», испытывают разного рода проблемы, связанные с ксенофобией, что может приводить к тому, что дети уходят из школы. Гамид не артикулирует свою ситуацию как острую, тем не менее, постоянно дает понять, что испытывает дискомфорт из-за своего статуса: *«В школе? Ну вот в младших классах сейчас что-то что идет сейчас, да. Они так-то в лицо не говорят, а вот то, что слышу, да. А вот то, что в моем классе — нет, не говорят про это. Ну, может быть, в шутку кто-то скажет что-то, но это в шутку. [А вот учителя?] Учителя на это не обращают внимание. Как врачи».*

Несмотря на то, что Гамид говорит об учителях как о тех, кто не может его защитить, он на хорошем счету у учителей. Он неплохо учится, он и его компания отзываются на все поручения и являются активными участниками всех мероприятий. Другое дело — сверстники. В подростковом возрасте умение поставить себя правильно по отношению к остальным может играть решающую роль. В некоторых исследованиях описываются случаи, когда для того чтобы соответствовать ожиданиям сверстников, дети из этнических меньшинств сознательно снижали свои учебные достижения. Как наша, так другие работы показывают, что травля в школе — не необычное явление. Класс Гамида тоже непростой, и ему тоже надо уметь себя правильно себя преподнести:

[А вот вообще в классе бывают конфликты?]

— Ну да. Но не с нами обычно, в общем, с тремя человеками... Но у нас мнения разные.

[С кем ты конфликтуешь?]

— Не знаю, имени не назову, но так вот... вообще не с кем так вот, а вот иногда бывает. Что... как-то они смотрят, они самые как будто умные, а вот это не нравится. Все же мы равные. Не считая ум и физическую силу.

[Твой класс можно назвать единым коллективом?]

— Это коллектив, разделенный на две части, даже, может быть, на три. Потому что у нас нет такого, что мы можем посидеть, например, что-то обсудить. Мы можем три человека, например, или собрать там 6, 10 даже можем. И там другая группа, как-то так. Мнения потому что разные у нас. Вот из-за этого.

«Другая группа» — это, например, одноклассники, которые относят себя к «альтернативной» молодежной культуре. И хотя компания Гамида — яркий пример прошкольной культуры, не это является главным в его самовосприятии в контексте класса. «Другие» одноклассники — это ребята из другой молодежной культурной среды. Компания мальчиков в классе Гамида позиционирует себя как рок-музыкантов, с соответствующими культурно-стилевыми практиками прослушивания определенной музыки, создания музыкальной группы, посещения рок-концертов и т. д., тогда как Гамид скорее представитель противоположной молодежной культуры: занятия спортом и его «реально-пацанские» предпочтения предопределяют его стилистический образ и не оставляют шансов включиться в рок-тусовку ребят из его класса. То есть проблематичность бесконфликтной интеграции связана не только с этническими различиями, но и с несовпадением стилевых предпочтений. Хотя здесь, возможно, имеет место неявный гендерный конфликт, в котором, вероятно, фактор этничности играет не последнюю роль.

Таким образом, через свою дружескую компанию Гамид позиционирует себя в классе и выстраивает отношения с одноклассниками на приемлемых для него основаниях. Для одноклассников и для учителей Гамид — один из троих, член троицы, которая зарекомендовала себя как «активисты».

Круги общения и социальные сети

Практики общения Гамида, конечно, выходят за границы его небольшой компании. Он, как и другие ребята, достаточно активен в одной из российских социальных сетей, где зарегистрирован уже три года. Присутствие в пространстве этой сети — важная составляющая его коммуникационного пространства*. Социальные связи Гамида в сети представляют собой отражение его оффлайн контактов, но есть и ряд особенностей. Например, Арсен (друг Гамида) не очень активен на своей странице. Он не является ньюсмейкером, не публикует постов, вызывающих дискуссии, не поощряет общение на своей странице, не выкладывает фотографий и т. п. А вот страница Гамида — это очень живое пространство, насыщенное информацией, эмоциями, ссылками, общением. Можно буквально проследить траекторию его адаптации, наблюдая за тем, как меняется тематика его постов и новостей.

Круг общения Гамида в социальной сети включает ограниченное число людей — около 100 человек, с которыми он знаком лично, как он сказал сам

* При анализе онлайн коммуникаций мы также следовали этнографической логике и исследовали легитимное (открытое и публичное) пространство персональной страницы информанта.

в интервью. Все его контакты складываются в отдельные круги общения, которые мы дифференцировали по степени интенсивности. Например, очевидно выделяется его «спортивный круг» контактов — несколько ребят разного возраста, с которыми он ходил до недавнего времени на тренировки и среди которых преобладают этнические азербайджанцы. Помимо друзей «по спорту» этот самый тесный круг включает нескольких родственников, брата и его близких друзей — Арсена, Наташу и Таню. «Школьный», самый широкий круг знакомств Гамида представлен в социальной сети контактами с разновозрастными и разноэтничными сверстниками, среди которых преобладают девушки. В его сети есть ребята, которые учатся в классах младше, а также бывшие одноклассники — те, кто ушел из школы после девятого класса. Среди контактов Гамида есть также несколько его школьных учителей и репетиторов.

Контент его страницы имеет несколько направленностей. Во-первых, это *спорт* и все, что связано с боксом, бодибилдингом и разными спортивными видами борьбы, включая записи боев, тренировок с участием известных спортсменов, а также посты вроде: «Можно любить драться, можно не любить драться, но в любом случае, лучше уметь драться» и прочее. Во-вторых, это тематика *«религиозной повседневности»*, очевидный характер контента здесь указывает на то, что Гамид реализует своего рода просветительскую миссию — разъяснение норм, правил и канонов ислама. Пожалуй, ключевой посыл его постов, пабликов и видео на тему религии можно сформулировать как: «Мусульмане — не террористы». В-третьих, — это *лирика*, поскольку для подростка его возраста актуальны темы любви и отношений с девушками, то этот контент присутствует на его странице в изобилии. Гамид пишет стихи на русском языке и публикует их на своей странице. Помимо любовной лирики, его страница отличается частым упоминанием его «далекой родины» — Азербайджана и всего азербайджанского. Национальным колоритом отмечены юмористические подборки, музыкальные клипы, развлечения и т. д. Однако есть и «этнически нейтральные» пространства, объединяющие его выбор с выборами отдельных персон из его ближайшего и «школьного круга». Кроме онлайн-вопросов по учебным предметам ЕГЭ это еще и контент так называемой *познавательной* направленности. В качестве примера здесь можно привести подборки групп «Интеллектуариум», «Сайнс», видео «История создания планеты», отдельные материалы *эстетической* тематики, например, «Искусство реальности» или «Прекрасные места на земле». К этой же категории разделяемого со сверстниками контента относится *«стилевой» подростковый контент*, вроде «Сердце пачана», «Ганста» и т. п.

Присутствует на его странице и *актуальная политика*. Здесь подбор контента отражает весь спектр волнующих подростка проблем, которые «требуют» от него публичного ответа: нападения наци-скинхедов, противоречивые отношения местных жителей и приезжих с Кавказа, неразрешенные противоречия между Арменией и Азербайджаном и последствия Карабахского конфликта; политизация религии; женщина в исламе; гомофобные манипуляции; российско-американские отношения и т. д.

Образ, который создается на странице Гамида, — достаточно многогранный, здесь он азербайджанец, россиянин, «свой парень» (разделяющий определенные молодежные культурные коды, предполагающие определенный формат маскулинности), спортсмен-боксер, близкий друг, ученик, товарищ, мужчина, человек, имеющий отношение к исламу; человек, осведомленный в актуальных темах политики и культуры. На своей странице ему удастся презентовать все эти столь разные стороны своей жизни, и его такие разные аудитории бесконфликтно там сосуществуют. А его школьная компания — это ядро этого космоса, которое помогает сохранять в равновесии этот многогранный мир.

«Мы с ним вообще все обсуждать можем...»

Друзьями Гамид называет ребят, живущих по соседству, в основном обучающихся в лицее или техникумах, т. е. это «местные жители». Но все свое свободное время он проводит в своей компании. Арсен для Гамида как брат, с которым можно обсудить и проблемы в семье и планы на будущее. Гамид называет Арсена братом, приближая его к статусу своего родного брата, самого близкого человека. Немаловажно, что такая гендерно смешанная компания позволяет Гамиду помочь разобраться в самой актуальной в этом возрасте теме, связанной с романтическими и интимными отношениями:

[Кто для тебя Арсен?]

— *Можно считать братом, другом, мы с ним вообще все обсуждать можем. Все там... тяжкие жизни, все... проблемы в семье так... можем обсудить, понравилась девушка так, что делать... Ну, вот все. Уроки, все. С Наташей то же самое можно делать. Ну, в конце концов, она же женщина и с ней как-то... можно понять женщин остальных... Мы можем с ней обсудить все. Она поможет.*

[На какие темы разговариваете?]

— *Да про будущее, например... Что нас вообще ждет, какими людьми мы станем. Ну и про то, что... личная жизнь там... Кто там понравится, мы сможем только с ней там... что сделать.*

Усвоение молодежных культурных кодов — это важный навык, необходимый для того, чтобы стать своим в новой компании и в новой среде. Обсуждение своих проблем с друзьями открывает новый ракурс интерпретации ситуации, отличный от родительской позиции. Для Гамида, как и для любого другого подростка, это ценно, а, возможно, даже более значимо, поскольку его семейное и родственное окружение значительно отличается от его школьной среды. Кроме того, в дружеской компании Гамид может, не стесняясь ошибок, практиковать русский язык, который у него на данный момент почти безупречный, но некоторые сложности еще есть. Все эти годы он дополнительно занимается русским с репетитором.

То, что единственным другом Гамида в классе стал мальчик армянской национальности, неслучайно. Можно предположить, что, невообразимая на Кавказе, в контексте петербургского школьного класса эта дружба, хотя и рефлекслируемая как что-то нетипичное, стала возможной в силу того, что общий

кавказский контекст оказался важнее всего остального. Тем не менее, для нашего анализа значимо, что эта дружба свободна от политизации этничности. Хотя ребята эту тему обходят и не обсуждают, факт их этничности не стал препятствием для дружбы. Особенно важно, что она была одобрена родителями обоих, а самое главное — братом Гамида:

— *Это политика, это политика, это не обозначает, что он армянин и что он должен... и что он ведет такие же... такие же структуры, как вот они. Ну, на самом деле в Азербайджане тоже не хотят войны, вот я спрашивал, когда был в Азербайджане, что вы как относитесь... я вот говорил, что у меня друг армянин и вот они все удивились, что типа армянин, как вы так можете. Они просто не видели армянина, они не чувствовали, что армянин — это тоже человек, у него тоже чувства. И вот... тетья, вот старшее поколение, и они говорили, что они раньше были вместе, тогда как-то все было вместе и двигали как-то, и все было вместе. Вот в Азербайджане... Арсен такой же самый человек, как и... это почти что это я, я могу так считать. У нас почти что одинаковое все.*

[А вот родители как относятся?]

— *Родители так же. Вот у нас один раз конфликт был тут типа армянин и азербайджанцы, ну родители были отрицательно к этому, что нельзя. Мы, во-первых, в другой стране, это минус для нас, это нельзя так.*

[Т. е. в школе?]

— *В школе, вообще везде.*

[Везде?]

— *Нет, ну с армянином... ну так скажем, в боксе иногда бывает. В боксе у нас самое главное, чтобы не выиграл армянин.*

[Надо, чтобы не выиграла?]

— *Это для меня не так, это для меня не означает ничего.*

Заключение

Задача статьи заключалась в том, чтобы, основываясь на анализе имеющихся данных и на примере одного случая, проблематизировать жизненный мир подростка с трансмиграционной историей сквозь призму тех культурных и социальных границ, с которыми ему приходится иметь дело, а также определить то место, которое в этой картине занимает дружеская компания подростка. Наши исследования молодежных культур и тусовок показывают, какую большую роль играет в этот период ближайшее окружение подростка, его сверстники, группы вхождения. Основными факторами являются принятие, общение, наличие общего языка, взаимопонимания. Особенно это актуально для школьного периода, осложненного переживанием перехода от детства к взрослости, а также непростыми отношениями со сверстниками.

Специфика детей из маргинализируемой мейнстримным дискурсом категории (как дети мигрантов) заключается в том, что они в своем опыте сталкиваются с разными значительно отличающимися друг от друга пространствами (Россия и Азербайджан; дом и район; школа и «нешкола»); опытами (родственное (этническое) окружение и остальные), жизненными стилями, культурными

ми паттернами (родители и сверстники) и при этом окружены доминирующими дискурсами ксенофобии и «формальной толерантности» в школе.

На примере нашего героя мы видим, как по-разному дружеская компания оказывается важной для преодоления границ, примирения этого многообразия между собой, самоутверждения, повышения подростком своего статуса. Она становится посредником и помогает выйти за пределы семейного окружения, включиться во что-то новое, связанное с локальной культурой и средой, освоить местные молодежные культурные коды. Школа становится средой для нахождения друзей и компании, выхода за пределы этнических сетей, преодоления изоляции, включения в сети сверстников. Школьную дружескую компанию можно рассматривать как важный и интересный фокус социализации, интеграции, включения подростков, имеющих определенные сложности с русским языком или незнакомых с локальными культурными кодами.

В данной статье подробно рассмотрен лишь один случай выстраивания дружеских отношений в классе. Особенность кейса заключается в том, что новичок, приехавший из другой страны с практически нулевым уровнем знания русского языка, выбирает путь самоутверждения через высокие учебные показатели. В реализации этой программы, несомненно, большую роль сыграл семейный культурный капитал, в частности, понимание необходимости занятий с репетитором русским языком, а также ориентация Гамида на соответствие формальным ожиданиям школьной администрации. Но очевидно, что успешный сценарий был реализован в немалой степени благодаря поддержке дружеской компании — разногендерной, разноэтничной, русскоязычной и прошкольной. Эта компания для него — самая значимая, хотя подавляющее число приятелей Гамида и в школе и в социальных сетях — азербайджанцы, и его дружная среда общения — это друзья брата или ребята, в основном также азербайджанцы, увлекающиеся боксом. Эта дружба стала возможной в силу возникновения межличностных симпатий, но важную роль сыграла также солидаризация «выделяющихся» на фоне остальных ребят. И это выделение происходит не только на основании этничности, но и вследствие различия молодежных стилевых предпочтений. Школьная дружеская компания стала для Гамида местом и инструментом расширения своих границ, а, именно, совершенствования в русском языке, формирования и поддержания своего позитивного образа в классе, освоения молодежных культурных кодов (в том числе и гендерных), самоутверждения «на районе», выхода в новое пространство, отличное от родительского.

Данные наших и других исследований показывают, что могут быть разные обстоятельства дружбы и тема эта вообще мало изучена. Интересные аспекты связаны с тем, как подростки отстаивают свое право на дружбу перед лицом родителей, которые, в свою очередь, зачастую занимают охранную позицию, ограничивая контакты детей. Иногда это бывает оправданно, потому что дружеские компании могут быть не только «инклюзивными», но и антишкольными, вовлекающими в активности, бросающие вызов школьным нормам и правилам. Не всегда подросток находит «своих» и остается в изоляции, или все его дружеское общение помещается в социальные сети, где он встречается со свои-

ми сверстникам, которые живут далеко от него. Гендерный аспект в этой теме особенно актуален в связи с тем, что принципы воспитания девочек (дочерей) в среде приезжих иногда значительно различаются. Но во многом это проблемы, с которыми сталкивается любой подросток, не только «этнически другой». Все перечисленные вопросы могут стать темой для дальнейших исследований.

Литература

Бредникова О., Паченков О. Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми торговцами» и «первичными группами» // *Диаспоры*, 2001, 1, с. 131–147.

Иванюшина В., Александров Д. Антишкольная культура и социальные сети школьников // *Вопросы образования*, 2013, 2, с. 233–252.

Макаров А.Я. Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // *Социологические исследования*, 2010, 8, с. 94–101.

Омельченко Е. Л., Андреева Ю. В., Лукьянова Е. Л., Сабирова Г. А., Крупец Я. Н. Адаптация детей мигрантов в школе. Методическое пособие: рекомендации по проведению комплекса адаптационных мероприятий в общеобразовательных учебных заведениях РФ. Ульяновск: Издательство Ульяновского государственного университета, 2010.

Семенова В. Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу / *Визуальная антропология: городские карты памяти*. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2009, с. 67–81.

Alba R., Silberman R. The children of immigrants and host-society educational systems: Mexicans in the United States and North Africans in France, *Teachers College Record*, 2009, 111(6), pp. 1444–1475.

Ajrouch K.J. Gender, Race and Symbolic Boundaries: Contested spaces of identity among Arab American adolescents, *Sociological perspectives*, 2004, 47(4), pp. 371–391.

Cederberg M. Public Discourses and Migrant Stories of Integration and Inequality: Language and Power in Biographical Narratives, *Sociology*, 2014, 48(1), pp. 133–149.

Coleman J.S. *The adolescent society: The social life of the teenager and its impact on education*. New York: Free Press, 1961.

Devine D. Mobilising capitals? Migrant children's negotiation of their everyday lives in school, *British Journal of Sociology of Education*, 2009, (30)5, pp. 521–535.

Lamont M., Molnar V. The Study of Boundaries in the Social Sciences, *Annual Review of Sociology*, 2002, 28, pp. 167–95.

Lareau A. *Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life*. University of California Press, 2003.

Levitt P., Waters M. (eds.) *The Changing Face of Home: The Transnational Lives of the Second Generation*. New York: Russell Sage Foundation, 2003.

Mainsah H. 'I could well have said I was Norwegian but nobody would believe me': Ethnic minority youths' self-representation on social network sites, *European Journal of Cultural Studies*, 2011, 14(2), pp. 179–193.

Omelchenko E. L., Pilkington H. Regrounding Youth Cultural Theory (in Post-Socialist Youth Cultural Practice), *Sociology Compass*, 2013, 7(3), pp. 208–224.

Portes A. Children of immigrants: Segmented assimilation and its determinants, in: A. Portes (ed.) *The economic sociology of immigration: Essays on networks, ethnicity, and entrepreneurship*. New York: Russell Sage Foundation, 1995, pp. 248–280.

Сабирова Г.А, Андреева Ю.В. Школьная дружеская компания подростка...

Ream R.K., Rumberger R.W. Student engagement, peer social capital and school dropout among Mexican American and Non-Latino white students, *Sociology of education*, 2008, 81(2), pp. 109-139.

Irwin M. 'Hanging out with mates': Friendship quality and its effect on academic endeavors and social behaviors, *Australian Journal of Education*, 2013, 57(2), pp. 141–156.

Vaquera E. Friendship, Educational Engagement, and School Belonging: Comparing Hispanic and White Adolescents, *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, 2009, 31(4), pp. 492–514.